

ОТКРЫТЫЙ ПЕРЕЛОМ ДУШИ

Повесть

Прямоугольный пенал тесной комнатенки смотрел подслеповатым окном во двор. Вокруг — такие же окна «хрущевок», серых пятиэтажных бараков. Одни окна уже светились тусклыми квадратами в вечерних сумерках, другие густели темными пятнами, еще больше подчеркивая убогость окружающего архитектурного ансамбля.

Архитектура здания соответствовала убогой обстановке внутри него: железная односпалка — шедевр местного металлургического гиганта, стол, сундук, обитый железной полоской в ромбик. Вот, пожалуй, и все. Единственное украшение пенала — занавески на окне и шторы, прикрывающие дверной проем. Но и это становилось бледным и незаметным в свете сороковки, едва мерцающей под потолком.

Несмотря на кажущуюся тишину, комната была полна неясных звуков. То шаги над головой — сосед этажом выше шаркает по комнате и давит с наслаждением клопов. То за стеной раздается детский плач и визгливый голос матери — трехэтажный мат успокаивает дочь. А то снизу крики — сын с матерью не поделили водку. Дерутся.

На кровати едва различимо — тень женщины. Ее худоба поражает. На вид и сорока килограммов не наберется. Уже несколько месяцев лежит она здесь без движения. Не ест. Не пьет. Лишь дочери приходят по очереди прибрать ее, насильно покормить, чтобы продлить едва теплившуюся жизнь измученного тела. О, как они ее раздражают. И дочери. И внуки. И правнуки. Здоровые. Жизнерадостные.

Почему они не дают ей спокойно умереть?

Взгляд ее часто падает на икону в красном углу. И тогда он загорается злобой, и из открытого беззубого рта вырывается с хрипом что-то похожее на «Не-на-ви-жу!»

И слезы, заполняя глазные впадины, глубокие и темные, непрерывно орошают плоскую подушку.

Одна. Рядом никого. А ведь была большая семья. Она родилась у родителей четырнадцатой. Самой любимой. Родилась в девятьсот девятом, когда семья уже крепко стояла на ногах. Переехав из Рязанской губернии в Сибирь, получив землю, ее родители, братья и сестры быстро обросли хозяйством. Работали много, дружно, радостно. Не раз поминали добрым словом Столыпина, так нечаянно устроившего судьбу крестьянской семьи.

Чем больше работали, тем лучше жили. Тем больше богатели.

Ее, последнюю, старшие братья и сестры буквально не спускали с рук. Любимая дочь. Любимая сестренка. Безмятежное счастливое детство.

Но как рано оно закончилось.

...Сознание медленно возвращалось из далекого прошлого. Возвращалось в одиночество серой комнаты, с непрекращающимися болями в желудке, в руках, в коленях, в пояснице. С давящим ощущением конца. Конца мучительного, страшного. Страшного, как вся ее жизнь. Сколько ни пыталась она отыскать хотя бы одно светлое пятнышко в своем прошлом — не могла найти. Каждый провал в прошлое — открытая рана...

Снова и снова память возвращает ее к истокам жизни. Начало казалось безоблачным и счастливым. Но уже в пять лет она почувствовала, что вокруг происходит что-то непонятное. Это преследовало ее всю жизнь — непонятное, злое, несущее беду, горе, страдания, боль.

— А-а-а... Николенька, сыночек! Где же ты сложил свои белые косточки? Кто закрыл твои светлые глазоньки?..

Надюшка забилась в угол. Испуганная, притихшая. Тятенька, братья сидели хмурые. Сестры подвывали маменьке. На Надюшку никто не обращал внимания. Чувствуя своим маленьким сердечком, что со старшим братом случилась беда, но еще не понимая, какая, она крепилась, крепилась и заревела в голос. Мама подхватила. Прижала к груди.

— Кровинка ты моя ясная-а... Солнышко мое красное-е... Нет теперь нашего Николеньки! Убили его германцы проклятые-е...

Теперь ревели все. В голос. У мужиков на глазах слезы. Как-то незаметно изба наполнилась соседскими бабами. Их голоса вплетались в общий вой. Одни ревели оттого, что в этот дружный трудолюбивый дом пришло страшное горе. Другие — по своим мужьям и братьям, ушедшим на германскую. И неизвестно, в каком еще доме завоют завтра. Или послезавтра.

Тятенька с братьями вышел во двор. Там хмуро курили мужики. Тихо переговаривались:

- Россия немцев побьет...
- Побить, может, и побьет, да народу сколько сгинет...
- Да... Учитель давеча читал газету. Немцы травят наших газами. Умирают прямо в окопах...
- Мой старший ушел в четырнадцатом. Я думал: тоже сгинул. А вот пришло письмо: лежит в госпитале.

Пишет, без руки остался...

- Ну, без руки — не без головы. Жить будет.
- Женка-то Николая ни слезинки не проронила. Сидит белая. Ни кровинки в лице...
- Поревела бы — полегчало б. Четверо на руках остались... Как жить будет?
- Ну, семья у Ивана большая. А он внуков любит. Не пропадут...

На крыльцо вышла хозяйка. Марьюшка. Так ее с малолетства и зовут. Красоты была девка неписанной. Да и сейчас на нее взглядеться можно.

- Зайдите, мужики. Помяните убиенного раба божия Николая.

Мужики тихо протиснулись в избу. Бабы уже молчали. Хозяйка каждому наливала по стакану самогона. Выпивали. Брли по ломтю хлеба. Молча выходили. Молча курили. Хмелели и с тяжелым чувством расходились по домам...

Вечером над деревней повис протяжный одинокий вой. Это прорвало Клавдию, сноху Ивана. Ушла на гумно и там отдалась безутешному горю.

- Пришли сестры Николеньки. Подняли. Увели в дом.

Долго потом Надюшка познавала это непонятное. Война. Немцы. Убитые. Душераздирающий бабий вой то в одном, то в другом дворе...

- Так начались ее «университеты». Хотя до конца жизни она так и не научилась читать и писать.

- Не те это были университеты.

...Сознание медленно возвращало ее в убогую комнатенку. Сквозь затуманенный взор бесстрастно взидала с иконы Богородица. Дева Мария с младенцем на руках. Взгляд старухи опять наполнился ненавистью.

— Всю жизнь я на тебя молилась. Всю жизнь просила у тебя помощи и защиты. А ты... — старуха задыхалась. — За что ты прокляла меня? За что всю мою жизнь искалечила? — слезы опять наполнили глубокие впадины глазниц.

— *Это не я. Антихрист пришел на землю, дабы человечество перенесло страдания за грехи предков своих...*

— Не было грехов у моих родителей. Не было грехов у моих братьев и сестер. Не в грехе родились дети мои. Ты всех погубила!

- *Антихрист не разбирает, грешный или праведный человек. Все держат ответ, как в судный день.*

- Не антихрист это. Голодранцы... Работать не хотели, а жрать хотели, как баре... Грабили... Убивали...

— *Им воздастся по заслугам их, ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения. И тебе за терпение и муки — тоже. Ибо пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его.*

Старуха снова потеряла сознание. Провалилась в свое страшное прошлое. Туда, где зарождалось непонятное, заливающее кровью каждый город, каждую деревеньку, окрашивающее в разные цвета отцов и сыновей, братьев и сестер... Война с германцем еще не закончилась, а в России уже зародилась новая смута. Большевики вкупе с демократами всех мастей изматывали правительство, расшатывали армию. Превратить империалистическую войну в войну гражданскую! Сколько в ее пламени сгорит жизней сограждан? А, неважно! Миллион? Десять? Двадцать миллионов? Никто считать не будет. Главное — начать, а там посмотрим.

Страна взорвалась и начала разбрасывать, раздирать, пожирать своих сыновей и дочерей. Кровью умылась. В крови захлебнулась Не понимала Надюшка в свои десять лет, что происходит. Но разговоры помнит:

- Немец Петроград взял...

- Царя скинули...

- Не скинули, а отрекся...

- Отрекся! Убили его. Говорят, застрелили вместе с царевнами. И царевича, мальчика, не пожалели...

- Тятенька как-то сказал:

- Ну, теперь мужику конец. Голодранцы подняли Россию на дыбу...

- Не поняла, что такое дыба и как на нее подняли Россию. Но зато свою дыбу испытала уже скоро.

День жаркий, знойный. Тишину убаюкивает стрекот кузнечиков. Надюшка присматривала за племянниками, игравшими у дороги. Строили из щепок какой-то мосток через канавку. Щепки то и дело рассыпались. И малыши начинали снова и снова возводить свою конструкцию.

- Вдруг тишину и покой раскололи выстрелы. Топот конских копыт. Русское раскатистое «Ура-а-а...».

- И покатилося оно по деревне:

- А-а-а...

То не татары. Они были давно. Они уже в легендах.

То не немцы. Немцы были далеко. В Европе.

То русские захватывали русскую деревню...

Из ворот выскочил Ванюшка, старший после сгинувшего на войне брата Николеньки. Схватил в охапку малышей. Швырнул во двор. Подтолкнул Надюшку. Больно толкнул. В спину. Хотела крикнуть. Огрызнуться. Обидеться. Обернулась...

Ванюшка тихо оседал. Пальцы скользили по доскам ворот. Пытались за что-нибудь зацепиться. Но соскальзывали все быстрее и быстрее.

Вот он лежит уже в распахнутом створе. Бледный. Недвижимый. А на рубахе расплывается алое пятно.

— А-а-а...

Надюшка не слышала своего визга. Не слышала визга испуганных племянников. Криков Настасьи — жены Иванушки. Безумного воя мамани.

Никто ничего не слышал.

Ни выстрелов. Ни свиста пуль. Ни лошадиного ржания.

Удалое «Ура!» слилось с отчаянным криком потери, боли, страдания.

А через недвижимого Ивана, через упавшую на него Настасью уже ворвались во двор всадники. Надюшка кинулась в сени. Из них, ничего не чувствуя, взлетела на чердак. Спряталась. Забилась в самый дальний угол. Здесь казалось безопасно.

Прямо перед ней щель. Рядом — другая. Одна выходит во двор. Другая — к соседу, старосте. Старостой его избрали всем миром еще весной, перед посевной.

Во дворе крики, топот. Братья подняли Ванюшку. Понесли в дом. А в доме уже хозяйничают. На крыльце — высокий, с кудрявым вихром из-под фуражки с красной звездой. Пнул ногой переднего, Кирюшку. Столкнул с крыльца. Все упали.

— Уберите эту падаль!

— Ты что, сволочь?.. Это мой брат! За что его?

Это Андрюшка. Средний брат.

— Поговори у меня! Мы все ваше кулацкое отродье под корень пустим! А ты у меня особо попляшешь!

Выгнали всех из дома. Прикладами. Пинками. Матами. Погнали всех к сараю. Андрюшка подхватил лежащего брата. Поташил к сараю. Там его встретили. Занесли. Дверь закрылась...

Из сарая сначала глухо, а потом все громче и явственнее понеслись вопли женщин, детей. Плач над убитым.

— Заткнитесь, суки!

Красноармеец разрядил в дверь сарая винтовку.

Стало тихо. В сарае.

А из дома летели восклицания:

— О, сапоги!

— О, самогон!

— Сало!

— Смотри-ка, кольца! Золотые!

— Ну, кулачье! Ну, гады! Мы голодаем, а у них продуктов на целый полк...

И топот...

Топот...

Шарили...

Пили...

Жрали...

В соседнем дворе — душераздирающие крики. Надюшка выглянула в щель. Оцепенела от ужаса: не могла отвернуться, не могла отвести глаз.

Два пьяных красноармейца, привязав к козлам старосту, под дикие, нечеловеческие вопли распиливали его живьем двуручной пилой. Дядя Вася извивался. Кричал... Наконец затих. Только пьяный хохот перекатывался по двору.

Надюшку вырвало.

Хотела отвернуться. Не смогла. Взгляд словно прикован к щели. Какой-то сверхъестественный гипноз сковал все ее маленькое существо.

А там уже визжали девочки. Две погодки. Старшенькой еще и четырех нет. Надюшка увидела, как ее, кричащую, один из «воинов» подбросил вверх, а другой, худой, низкорослый, пытался поймать на вилы. Старшенькую зацепил за плечо. Сбросил. Младшенькая упала на зубья спиной. Не удержал. Уронил на землю вместе с вилами.

— Ну, мазило! А говорил, в деревне лучше тебя работника не было. Вилами управиться не можешь! Ну-ка, подбрось!